

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)
М68

Миф Э.

М68 Эти проклятые жизни / Э. Миф — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 382 с.

ISBN 978-5-521-91864-5

«В мире нет места необъяснимому», — так думала Эйли до того, как переместилась в другую жизнь. Казалось бы, любой хотел бы унаследовать такой дар. Вот только вместе с ним ей досталось и родовое проклятие.

Девушке предстоит побороть призраков прошлого, вернуться туда, откуда бежала, и узнать тайну ее семьи.

Можно ли доверять таинственному попутчику, если их свела не судьба, а проклятие? Кто зачинщица ее кошмаров? И как она связана с родовым грехом, следующим за ее семьей почти сотню лет?

BIC FM
BISAC FIC009000

© Эльмира Миф, текст, 2023
© Фаттахова Айгуль, обложка,
иллюстрации, 2023
© RUGRAM, оформление, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

ISBN 978-5-521-91864-5

ПРОЛОГ

— Негодница! Отречься от духа с розни отречься от собственной матери! — восклицала Абулая, кривя сухими черными губами. Ее когда-то бронзовая кожа все сильнее обретала зеленоватый оттенок. Яркие темно-карие глаза потускнели, а от смолисто-чёрных волос осталось лишь пару прядей, когда остальные курчавые жесткие локоны поддались седине. Физические силы покидали пожилую женщину, некогда имеющую столько власти. И пришло время передать свое дело следующему поколению.

— Я отрелась от обоих уже давно, — огрызалась Шантия, брэнча браслетами на руках и ногах. — Ты сама говорила, что мое предназначение петь!

— Имея ввиду священные песнопения Тенебрис, а не глупый джаз, что затмил твою юную голову. Да тебе даже никчемный неупокоенный дух неподвластен, не говоря уже о силе Темной Матери и ее детях! — кричала в ответ женщина. Ее звонкий голос отражался о каменные стены, а балдахин на кровати лишь сильнее развевался от порыва ветра, когда все

окна в доме были закрыты. Но Абулаю не желали слышать. Даже грозный тон уже не действовал на своевольную девицу.

Каждый раз, когда дело доходило до разговора о выборе, бабушка Абулая пыталась переманить Шантию на свою сторону «На сторону рода и дара», — как она говорила. И каждый раз их разговор перерастал в ссору.

— Мне не нужна эта сила! Как ты не понимаешь? Тебе не обуздать мои порывы, я хочу жить свободно, — вновь противилась Шантия.

Она не желала приносить свою жизнь на блюдечке какой-то там Матери и детям, не хотелось принимать ее дар, не хотелось закончить, как ее собственная мать.

— Не примешь дар, он сожрет тебя живьем! Не примешь силу, она поглотит всю твою плоть! — угрожала старуха, расхаживая по комнате. Ее желтый балахон извивался как гремучая змея, а необычный амулет на шее становился всё более тяжелой ношей. — Я не смогу уйти на покой, не отдав тебе наше сокровище, — взмолилась она, указывая, на тот самый амулет из деревянных бусин и черепа грызуна, с которого ветвились и ниспадали красные кристаллы, подобные киновари.

— Это не сокровище — это бремя. Так оставь его себе. Я уйду. — Поставила точку Шантия. Девушка собрала сумки с пожитками и пообещала больше не возвращаться.

Жить обычной жизнью ей хотелось гораздо больше, чем обладать силой. Стать певицей ей было нужнее, чем совладать с духами. И ничто ее не остановит. Билет в кармане в большой город, маленькая уютная квартира, микрофон, сцена, аплодисменты и ее голос — это все что было нужно, чтобы мечта стала явью. И всем этим она уже обладала.

К чему тогда вообще использовать силу о которой она не просила, если юная Шантия Камуту сама могла добиться желаемого?

ГЛАВА 1

Странно, но я не понимаю, как это произошло, знаю лишь только то, что стоит мне обвернуться в кокон из одеяла и уснуть, я проснусь и снова окажусь в том же месте, будто ничего и не было, ведь этот день существовал только у меня. Или я украла его у кого-то?

И так каждый раз...

Я точно помню свой первый, не знаю, как это назвать, переход? Быть может путешествие в другую жизнь? Но как только я вдохнула этот аромат, сразу оказалась в старой квартирке в Сицилии. Немного пошарканные стены, маленький балкон с посаженными в горшки цветами, обвивающими металлические прутья. Помню, как стояла на кухне с чашкой давно остывшего кофе в руке, и как эта чашка упала, расплескав остаток содержимого по оливковому коврику у обеденного стола.

Шум струящейся воды из ванной комнаты прекратился и тогда-то я поняла, что нахожусь здесь не одна. Руки сами полезли искать острые предметы на кухне, но я нашла только чёртову вилку в раковине и уже искала глазами безопасное укрытие, как дверь из ванной отварилась...

— Малышка, может мне уже пора завести у тебя свою зубную щетку?

Что, твою мать, здесь происходит? Я что понимаю итальянский? И почему моей первой мыслью было то, как он красив, а не как я здесь оказалась?

Весь мой план побега рухнул, даже не начавшись, когда он вышел из ванной, окутав бёдра полотенцем, а по чёрным, как смоль волосам, все ещё капала вода, стекая на мускулистую грудь. Он подошёл ближе, игриво улыбаясь и явно ожидая ответа, тогда-то я и услышала этот запах... Свежий огурец, мятный гель для бритья и пачули. Это содержимое таилось в бархатном темно-коричневом флаконе одеколона, в магазине парфюмерии моего городка, где я должна была находиться.

В магазине парфюмерии, а не в квартире в Италии!

Так, главное без паники! Возможно, безопасней будет подыграть.

Я подошла к окну, делая вид, что люблюсь видом, но в самом деле, просто хотела понять на каком я этаже и смогу ли спрыгнуть. Руки начали потеть, а содержимое моего завтрака вот-вот выйдет на свободу. Сколько себя помню, в критической ситуации я каменела, будто тело само создавало видимость, что меня здесь нет. Возможно, сейчас это мне и на руку.

— Любимая, что с тобой? Я принесу воды, на тебе лица нет.

Кажется, он не похож на того, кто собирается на меня наброситься.

— Спасибо... наверное.

Я присела на угол небольшой кровати, все ещё стараясь не шевелиться и глубоко дышать. Только глаза предательски выдавали нарастающую панику.

У деревянного журнального столика стояла дешевая кремовая рамка с фотографией. На ней была я, такая же, как и сейчас. Темно русые волосы каскадом струились до поясницы, бледная кожа, ямочка на левой на щеке, большие голубые

глаза смотрели с таким трепетом и любовью на этого парня, крепко обнимающего меня за талию. Он сидел на прибрежной скале, от чего-то смеялся и шурился от солнца, глядя на меня такими же влюблёнными глазами. Тот же парень, что гуляет сейчас по дому в одном полотенце и, кажется, считает, что я его девушка.

Ощущение страха, паники и какой-то укол ревности к самой себе слились воедино и оставили кислый отпечаток на душе. Я сейчас должна бежать от сюда, объяснить, что это не я, это не моя жизнь, но, кажется, я сама себе не верила.

— Эйли, ты уверена, что все в порядке? Мне уже пора уходить, но, если тебе не по себе, я могу остаться.

— Куда уходить? То есть, нет, все хорошо. Правда, можешь идти, — как можно спокойнее вымолвила я.

— Буду поздно, сегодня я закрываю выставку. Франческо опять решил, что слишком хорош, чтобы снизойти до явки на работу, но, если что-то не так, позвони, и я примчусь к тебе, любимая, — говорил он, натягивая классические изумрудные брюки и заправляя в них немного мятую белую рубашку.

Я не понимала, что за выставка и что за Франческо, лишь улыбалась и притворно делала вид, что привыкла к будничным разговорам, провожая своего псевдо-парня. Он заботливо и по-свойски положил свою руку мне на талию и нежно поцеловал меня в лоб, приятно царапая щетиной.

Как только входная дверь закрылась, я резко, будто проснулась от сна, где разумное мышление и желание остаться здесь навсегда боролись с друг другом, превращая все мысли в сгусток каши из эмоций и противоречий.

Возьми себя в руки! Нужно понять, как я здесь оказалась и как мне вернуться в свою реальность. Страх непонимания снова дал мне пощёчину, и я решила, что пора валить. Сидя в этой скромной квартирке, я не найду ответа. Но куда идти?

Я подошла к зеркалу и увидела себя, ту же себя, что и всегда, но более женственную оболочку. Будто в этом мире меня никогда не ранили, и я могу на кого-то положиться. Ту, о

которой заботились и берегли. Внешне ничего не поменялось, лишь ощущения давали понять, что тут мне должно быть спокойно, но ведь это не моя жизнь, как бы мне ни хотелось в ней остаться.

Я скинула с себя домашний шелковый халат цвета спелой вишни и начала яростно рыться в шкафах. Если я здесь живу, то тут точно должна быть моя одежда. Да, здесь определенно присутствовал гардероб романтической девушки, любящей легкие и струящиеся мини платья на бретелях, шифоновые блузки и много всего девчачьего моего размера, но в моей настоящей жизни гардероб разительно отличался от нынешнего. Я накинула первое попавшееся платье, немного потрепанные белые кеды и выбежала на улицу.

Боже, как же все это странно и как тут красиво. Можно было бы подумать, что я бесплатно уехала на курорт, если не считать обстоятельства.

Первые пару часов я любовалась видами. Сказочные каменные дорожки, как путеводитель направляли мои ноги по разным улочкам, которые, в свою очередь, тесно ютились между друг другом и внезапно выводили на огромные площади с фонтанами и соборами. Старые дома из цветных кирпичиков совершенно разной высоты в плотную обнимались, как заботливая семья, и соседствовали с более свежими величавыми постройками. Последующие пару часов я проклинала себя за то, что так и ничего не съела. Особенно остро это почувствовалось, стоило мне выйти на главную пешеходную улицу, где в ряд стояли небольшие ресторанчики с зелёными навесами, милыми столами и стульями из белого плетёного ротанга, а воздух впитал запах томатов и пиццы.

Солнце стремительно окрашивало небо в насыщенно персиковый и слишком поспешно пряталось за далекими горами, давая знать, что я вот-вот останусь на улице, где ночь показала бы те самые узкие улочки не в столь безопасном виде. Я все никак не возвращалась в реальность, и, кажется, дорогу обратно уже забыла. Я плутала по острову, выходя на

разные площади, где фонарные столбы лениво зажигались и приглашали ночь. На глаза навернулись слёзы безысходности, а ноги требовали передохнуть, намекая на свежие мозоли. Я села у фонтана в более освещаемой зоне, а в голову так и не пришло ни одной гениальной идеи. Не знаю, сколько я так просидела, макая руку в воду и смывая высохшие слёзы. Людей на улице становилось всё меньше, а плохие мысли всё множились.

— Эй, красавица! Не желает ли, одинокая Белладонна, хорошо провести время?

Из-за угла, посвистывая, вышли двое веселых мужчин. Тот, что повыше, плотоядно оскалился и не был намерен просить разрешения. Второй, в потной расстёгнутой рубашке, шёл более ленивой походкой дабы не расплескать содержимое бутылки.

Дикий, липкий страх дал под дых, и я забыла, как дышать, а они неторопливо приближались, играясь с жертвой как на охоте.

Только не сейчас, только не сейчас...

Я рванула в ближайший освещённый переулок, в надежде увидеть хоть кого-нибудь из людей.

— Ну куда же ты так спешишь? — кричал в след мужчина с бутылкой.

Я не оглядывалась, петляя по улочкам как в лабиринте. Быстрые, тяжелые шаги все приближались, отдавая эхом по кирпичным стенам, заставляя путаться, с какой стороны крадётся опасность. Я резко свернула влево, стараясь их переиграть, и сама попала в тупик! Живая изгородь закрывала проход, а уже более расвирепевшие голоса уже приближались. Стараясь прелесть через прутья, руки впивались в острые шипы кустов, я прыгнула и неудачно приземлилась на колени. Кровь стекала прямо в кеды, окрашивая их в алый. Я не чувствовала боли, но легкие безжалостно сжались в кулак и раздирали изнутри.

За оградой оказалась набережная. Сил бежать уже не

было, и я, прихрамывая, поковыляла до скал, в надежде найти укрытие. Как ни странно, шагов больше не было, кажется, я все же умудрилась сбежать. Страх немного ослабил хватку, а взамен пришло отчаяние. Горькие слезы заполонили все, заставляя мир размыться. Я не решалась выйти из укрытия в виде двух, держащихся друг об друга, валунов. Волны шептали успокаивающую мелодию, ветер дул на ранки, и я, кажется, уснула.

Кто-то бережно коснулся моего плеча. Глаза открылись раньше, чем я проснулась. Тень высокого парня нависала надо мной. Лица я не видела, только горячая рука с тату на тыльной стороне ладони в виде тонущего корабля давала понять, что я все ещё жива.